

Александр Дьячков

Родился в 1982 году в Усть-Каменогорске (Казахская ССР). В 1995 году семья переехала в Екатеринбург. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Екатеринбурга, Саратова, Кемерово и других городов. Участник поэтической группы «Разговор», основанной в 2009 году поэтом Григорием Шуваловым.

Автор трех поэтических книг: «Стихи» (2004), «Некий беззаконный человек» (2007), «Перелом души» (2013). Участник нескольких коллективных поэтических сборников. Стихи включены в антологию Юрия Казарина «Поэты Урала» (2011) и в четвертый том Антологии уральской поэзии (составитель Виталий Кальпиди). Лауреат премии имени Евгения Курдакова (2015), премии «Волошинский сентябрь» (2016). Живет и работает в Екатеринбурге.

БЫЛОЕ И DOOM

Болеешь, а мне на работу,
но мы почему-то не спим,
а, взяв бесконечную ноту
молчания, долго молчим,

уставлясь на метаморфозы
вещей в полумраке жилья...
И слышно, как падают слезы
с невыкрученного белья.

Шар

Я не могу вместить, я не могу понять,
как это может быть? Такому не бывать!
Через минуту, год, ну ладно, много лет
наступит миг – и вот меня на свете нет.

Зачем же был тогда продутый детский двор?
Деревья иногда нашептывали вздор?
Качеля на одной заржавленной петле
по вечерам со мной скрипела во дворе?

Зачем поверх пальто завязывали шарф?
На Первомае – о! – накачивали шар?
И как бы невзначай выскальзывала нить,
и шар летел – прощай! – нет, не остановить...

И он летел, и я летал из-за того,
что целая семья любила одного...
Так для чего, зачем? Я не пойму, к чему
я переполнен всем и все-таки умру?

Рабочая общага...
Считая по прямой,
всего четыре шага
до скучной проходной.

Четыре – на женитьбу.
Четыре – на развод.
Четыре – на могилу.
Четыре – на роддом.

И я на этих самых
проклятых четырех
играл в житейских драмах
и чуть ли не подох.

А как-то раз во вторник
с невыносимой тоской
глядел на этот дворик
общажно-заводской.

На пресную ограду.
На пресные цветы.
И ощущал прохладу
вечерней пустоты.

Где два советских футболиста
бьют в осыпающийся мяч,
ты зонтик выщелкнула быстро:
«Не плачь».

Дождь начинался, а романчик
кончался прямо на бегу.
Я был тогда зеленый мальчик
и описать вам не смогу

всю бесконечность катастрофы,
мне это сделать нелегко –
с трудом классические строфы
вмещают пафос ар-деко...

Все это нервы, нервы, нервы,
но никого уже потом
я не любил сильнее стервы
с темно-сиреневым зонтом.

Пророк

Желтизна фонарей. Снегопад, снегопад, снегопад...
Постою у дверей – и назад, и назад, и назад.

А за дверью она или друг, или черт знает кто...
Положа руку на сердце, бьющееся под пальто,

не хотелось войти никогда, никогда, никогда,
а хотелось уйти навсегда, навсегда, навсегда

в одиночество и... в одиночество, помня одно:
что в пророке, увь, не бывает отечества, но,

сколько помню себя, никогда ни за что и нигде
так не чувствовал я свою целостность рыбой в воде,

как на тех гаражах, что ржавели за нашим двором,
и в бараках-домах, предназначенных кем-то на слом.

В казахстанской дыре – Усть-Каме... Усть-Кому... что-то
Усть-...

На одном пустыре, что не вспомню уже, ну и пусть...

Одиночество. Ночь. Желтизна фонаря или бра...
«Так прощайте» – и прочь! «До свидания» – и мне пора!

«На минутку» – и вон! «Остаюсь, решено» – и айда!
От пути эпигон даосизма врожденного да

не уйдет никуда, и поэтому, путник, иди
неизвестно куда, но с ликующим сердцем в груди.

Где-то нашел по пьяни,
выбросить не хочу.
Пуговичку в кармане
мучаю, кручу.

Спутница и подружка,
слушательница моя,
муза моя, игрушка,
по-э-зи-я.

Что мне до рая с адом,
ангелов и чертей,
если не будет рядом
пуговички моей?

Наш вагон зацепил человека.
По частям человека внесли.
Если выживет – будет калека.
Отмахнули флажком. Повезли.

Но пока он в вагоне валялся,
проводница пила корвалол,
я за чаем пойти постеснялся,
а какой-то дедуля пошел –

отлипала душа, отлетала,
на мытарства спешила она...
На стоянке врачиха сказала:
«Че везли-то? Он мертвый. Хана».

И уже мертвеца человеки
на носилках поставили в снег.
«Газвода, пирожки, чебуреки...
Не хотите один чебурек?..»

И кричу я закутанной тетке:
«Ты мне водки скорей принеси.
Выпью всю, хоть и нет столько водки
на Руси!..»

Я не знаю, на что опереться,
что-то звякнуло, дзенькнуло вдруг.
Это ж надо гигантское сердце,
тут простого не хватит, мой друг,

чтоб вместить эти речи и лица,
и сугробы, и холод, и кровь,
лень мента, суету проводницы...
а потом переделать в Любовь!

Соловей

Светало понемножку.
В сумятице ветвей,
как будто понарошку,
забулькал соловей.

Мы венчаны, и вправе
я на такую страсть,
но закурил, неправи...
нет, правильно стыдясь.

Я взглядом двор окину,
и занесу в тетрадь
прыщавую рябину,
и стану размышлять:

от грязного истока
во веки никогда

не потечет далеко
прозрачная вода.

Худое око видит,
что этот мир худой.
Я вычеркну эпитет.
Но где мне взять другой?

Духота

Зажигалка, рекламные спички, сигареты и водка.
Прям к ее косметичке, где помада, и тушь, и подводка,
он сложил на багажник барсетку, мобилу, бумажник,
два увесистых кома ключей от машины и дома.

В вечереющем парке, увы, нет скамеек нигде, ни одной.
На окраине летней Москвы духотою сменяется зной.

Он не видит ее, он почти ненавидит ее.
То же самое можно сказать про нее, е-мое!

Они даже не знают того, как друг друга зовут.
Как на каторжный труд сатана призывает на блуд.

В вечереющем парке, увы, нет скамеек нигде, ни одной.
На окраине летней Москвы духотою сменяется зной.

Бывшей жене

Я помню черную дорогу...
потом... сырые деревья...
Твою неясную тревогу.
Мои неясные слова.

Прямоугольный пруд и елку,
похожую на ершик, и
всегда горящие без толку
назойливые фонари...

Бывали ссоры, были драки,
но повторяю вам, что я
был переполнен только в браке
всей полнотою бытия.

Вот потому-то человеку
и нужен Бог, но лично, Сам.
Куда еще девать калеку,
разорванного пополам?

И раз не вышло с полнотою,
то не поможет ли она,
пугающая глубиною,
божественная глубина?

Проходное

Буйная зелень и ржавый гараж,
запах июльской железной дороги.
Это мой самый любимый пейзаж,
это мое отраженье в итоге.

Серый забор бесконечно плетет
скучную, мятую, злую колючку.
Вон проходная в общагу, а вот –
на легендарный советский завод...
Выну блокнот и потекшую ручку:

«Через дорогу застыла сирень –
взрыв, остановленный бешеным взглядом...»
Сяду под нею в блаженную тень,
пива купив в супермаркете рядом.

Там проходная в секретный НИИ,
кульманы были когда-то одни.
Раковой опухолью день за днем
офисы фирм разрастаются в нем.

Тут проходная в армейскую часть.
Страшно туда человеку попасть.
Наискосок проходная тюрьмы.
Этого тоже стараемся мы.

Буйная зелень и ржавый гараж,
запах июльской железной дороги –
это мой самый любимый пейзаж,
это мое отражение в итоге.

Сердце мое – проходные дворы.
Сердце мое – проходные составы.
Улица плавится вся от жары.
Косит таджик незнакомые травы.

Увы, стихи не протокол,
а потому поверьте на слово:
вчера по улице я шел,
навстречу мне Катюша Маслова.

Я соблазнил ее тогда,
когда нам было по шестнадцать,
не только не боясь блуда,
но и гордясь им, если вкратце...

Как подурнела, как пьяна,
шла, головы не поднимая,
и в этом есть моя вина,
еще какая!

Я не пойду за ней в тюрьму,
тем паче не возьму суму,
тем паче не подам ей сумму,
но в воскресенье своему
духовнику шпаргалку суну

и выдавлю словами гной,
а он, накрыв епитрахилью,
прочтет молитву надо мной –
и боль утихнет, станет былью...

Боль станет былью.

Бузина, бузина, для чего ты в сарай заглянула?
Вся природа полна «стрекотания, лязга и гула».

Все растет и живет, и цветет, и поет, словно в рае.
Бузина, что тебя так влечет в этом старом сарае?

Бузина, изведусь я теперь, я нуждаюсь в ответе.
Почему не живется тебе на сияющем свете?

Да понятно оно: я тебе не Творец, не указчик,
но в сарае темно, два мешка и рассыпшийся ящик...

Я застыл, как столп,
и гляжу окрест:
телеграфный столб
как голгофский крест.

Мне Россию жаль,
но не нужно слов.
И уходит вдаль
череда крестов...